

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Т. А. ЖДАНКО

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС СРЕДНЕЙ АЗИИ *

Работа над составлением историко-этнографических атласов отвечает современному этапу развития этнографической науки, когда для разработки обобщающих этнографических трудов стало насущной необходимостью создание прочной научной базы путем систематизации и введения в научный оборот всех накопленных этнографических материалов, восполнения пробелов в этнографической изученности разных стран и областей.

Свою главную задачу — исследование культуры и быта различных народов — советская этнография решает в историческом плане, проследив развитие культурно-бытовых явлений с древнейших этапов формирования этнических общностей. Процесс становления форм хозяйственной деятельности, культуры и быта каждого народа неразрывно связан с этногенезом, историей расселения, передвижений, обуславливающих культурно-исторические связи и влияния. Проследить этот процесс с научной достоверностью можно только основываясь на тщательно, с максимальной полнотой собранных и изученных материалах археологии и этнографии, дополненных данными этнической антропологии и языкознания.

Специфика методов этнографической науки, как и науки археологической, требует, во-первых, привлечения огромного иллюстративного материала, воспроизводящего конкретные элементы материальной культуры, которые входят в число главных объектов этнографического анализа; во-вторых, — необходимости размещения выявленных типов этнографических явлений на географической карте, что дает возможность с наибольшей точностью и плодотворностью применять сравнительно-исторический метод этнографического исследования. Поэтому для успешного развития этнографической науки необходимо издание обобщающих научных трудов не только в виде тематических монографий и серий монографий (как например, «Народы мира»), но и в виде историко-этнографических атласов, включающих альбомы рисунков, типологические таблицы и карты этнографические, археологические, антропологические, терминологические, диалектологические, приуроченные к определенным историческим периодам.

Работа над типологическими таблицами и картографирование выявляет новые важные данные для изучения таких сложных исторических

* Доклад о проекте структуры атласа на совещании по вопросам археологии и этнографии Средней Азии, состоявшемся в Москве 27—29 апреля 1955 г.

проблем, как этногенез, история производительных сил, история культуры и искусства, культурных связей между народами, история развития народностей и формирования наций.

Этим значение атласов не ограничивается. Они нужны не только историкам, но и практическим работникам в области экономического и культурного строительства. Обобщая народный опыт в области хозяйственной деятельности, зодчества, народного костюма, прикладного искусства, они помогут создать новые архитектурные ансамбли, произведения бытового прикладного искусства, типы одежды и т. д.¹

* * *

За рубежом этнографические атласы в XIX — начале XX в. составлялись в Германии, Польше, Швейцарии, Швеции и некоторых других странах. Общая черта, характеризующая эти атласы, — статичность; они показывают только географическое распространение различных этнографических явлений, не выявляя их исторического развития, закономерностей этого развития. В этих атласах нашел отражение буржуазный позитивизм, сводящий роль науки к формальному описанию фактов². Примером преодоления этого коренного недостатка можно считать работу по созданию Польского этнографического атласа, проводимую с 1953 г. Институтом материальной культуры Польской Академии наук. Польский атлас ставит задачей отобразить специфику «польской национальной культуры во всех ее разнообразных проявлениях — в эпохи феодализма, капитализма и в современную эпоху строительства социализма»³, показать региональные различия польской национальной культуры, вскрыть генезис возникновения различных этнических групп в разные периоды истории польского народа, наконец, «исследовать связи между определенными группами и диалектологической структурой польской языковой территории». В число карт вводной части включается несколько исторических: карта эпохи средневековья, «отображающая культуру по районам» (подготавливаемая совместно с археологами); карта, «реконструирующая племенные границы»; карты торговых и промышленных центров в XVI в. и другие. Как отмечает Ю. Гаек, атлас, вероятно, позволит выяснить некоторые вопросы, относящиеся к первобытной эпохе. Все это характеризует перелом в научной работе (по сравнению, например, с «Атласом польской народной культуры» Мошинского) и правильный, исторический подход к разработке темы.

Остановимся более подробно на этнографических атласах, над которыми ведется работа в СССР, прежде всего на подготавливаемых Институтом этнографии «Историко-этнографическом атласе Сибири» и «Русском этнографическом атласе», первый из которых уже закончен. По своему типу Сибирский и Русский атласы — разные. Один из них охватывает обширную область, населенную многими народами, из которых два (якуты и буряты) развиваются как социалистические нации. Авторский коллектив Сибирского атласа, тщательно изучив элементы культуры каждого из народов Сибири, отразил их особенности в альбомной части атласа, в сопроводительных текстах; но типологические таблицы и карты составлены по всей Сибири в целом, а не по народам. Атлас содержит две подробные этнические карты — расселения народов Сибири в XVII в. (составлена по архивным данным) и в начале XX в. (составлена по материалам пе-

¹ См. С. П. Толстов, Задачи советской этнографии, «Вопросы истории», 1954, № 11, стр. 161.

² См. П. И. Кушнер (Кнышев), Русский историко-этнографический атлас, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXII, М., 1955.

³ Ю. Гаек, О польском этнографическом атласе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXII, 1955, стр. 54.

реписи 1926—1927 гг.). По материальной культуре разработаны тем жилище народов Сибири, одежда народов Сибири, собаководство, оленеводство, лыжи, лодки. Кроме того, в атласе имеются разделы, посвященные народному творчеству и религиозным верованиям: орнамент народов Сибири, шаманские бубны, шаманское облачение.

Атлас Сибири составлялся почти исключительно на базе вещевых музейного материала — богатейших коллекций Музея антропологии и этнографии АН СССР, отчасти Государственного музея этнографии (Ленинград) и коллекций других музеев, накопленных за более чем столетний период развития в России этнографической науки. Материал обусловлен хронологические рамки работы. Большинство карт характеризует период XIX — начала XX в., и лишь часть тем (например, типы собаководства) удалось осветить в историческом плане, с XVIII в. Слабая археологическая изученность Сибири не дала возможности последовательно провести принцип преемственности данных археологии и этнографии по всем разделам. Вместе с тем использовалась каждая возможность углубления исследования путем археологических экскурсов. В частности, тему «Орнамент» ее автор, С. В. Иванов, удачно увязал с археологическими данными, выявив при этом наиболее архаические мотивы, восходящие к неолиту⁴.

Несмотря на большие трудности, пробелы в материале и другие недостатки, первый опыт коллектива советских сибиреведов по созданию этнографического атласа оказался очень интересным и плодотворным. На территории Сибири удалось выявить несколько историко-этнографических областей, населенных в иных случаях народами разного происхождения, культура которых, однако, в результате длительного общения приобрела ряд сходных черт. Некоторые из этих областей (Амуро-Сахалинская, Восточносибирская) территориально совпадают с «Амурской» и «Прибайкальской» неолитическими провинциями, выделенными А. П. Окладниковым на основании археологических данных. Получены многочисленные доказательства древних связей народов Восточной Сибири с Китаем, Западной Сибири — со Средней Азией. Новое освещение получили многие вопросы этногенеза. Картографирование орнамента и одежды привело к одинаковым и очень убедительным выводам о тесных культурных, возможно, и этнических связях обских угров — хантов и манси — с живущими на Северном Алтае шорцами и кумадинцами. Сходные формы орнамента и одежды, подтверждающие эту связь, распространены, кроме того, в Поволжье (башкиры, чуваша и другие) и у некоторых народов Средней Азии. Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что материалы Сибирского атласа представляют собой огромную научную ценность и что трудно преувеличить их значение, в частности, для предстоящих работ над атласом Средней Азии.

К другому типу надо отнести «Русский этнографический атлас», посвященный не группе народов, объединенных в одну историко-культурную область, а одному крупному народу — русским. Эта тема настолько обширна, что разработка ее, очевидно, продлится не одно, а несколько пятилетий. За прошедший с начала работы четырехлетний срок коллектив авторов провел учет и изучение музейных коллекций, архивных документов и литературных источников, организовал несколько экспедиций в области, по которым ощущается наибольший пробел в материалах (в 1953 г. — в 5 областей, в 1954 г. — в 10), и заканчивает подготовку к изданию четырех разделов атласа: вводного; техники земледелия русских крестьян в XIX — начале XX в.; русского народного жилища; русской народной одежды.

Как и для Сибирского, для Русского атласа основной базой являются

⁴ См. С. В. Иванов, Орнамент народов Сибири как исторический источник, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XV, М., 1952.

музейные вещевые коллекции, датируемые преимущественно XIX — началом XX в.; кроме того, широко используются архивные материалы (Вольного экономического об-ва, Русского географического об-ва и др.) и полевой материал — бытовые до сих пор предметы, собранные сотрудниками в экспедициях.

Коллектив Русского атласа придает большое значение датировке вещей и добивается синхронности используемого материала. Им установлены три исходные даты, в соответствии с которыми разделяются все исследуемые предметы: середина XIX в. (канун отмены крепостного права), вторая половина XIX в. и первые два десятилетия XX в. Это деление тесно связано с общей исторической периодизацией и с процессом развития русской народности в русскую буржуазную нацию. Для середины XIX в. еще характерно сохранение многих областей с локальными особенностями быта, одежды, жилища, многих говоров и диалектов. К концу XIX — началу XX в. эти этнографические особенности постепенно стираются.

При составлении типологических таблиц и карт авторы атласа выясняют прежде всего главные черты форм, отражающих национальную специфику русской культуры, и территориальное распространение этих форм. Вторая их задача — уточнить границы обитания локальных групп и определить особенности культуры этого — иногда неславянского — населения, полностью или отчасти слившегося с великорусской народностью в процессе ее консолидации в нацию. Таким образом, по своим задачам Русский атлас отличается от Сибирского главным образом тем, что он изучает этнические процессы, характерные для другого этапа этнической истории, — не столько этногенеза и процесса формирования народности (археологический материал исследователями не привлекается), сколько развития народности в нацию. Это не исключает отдельных этногенетических экскурсов, оказавшихся неизбежными, в особенности при изучении одежды⁵, однако не идущих глубже XVII—XVIII вв.

В 1954 г. Президиум АН СССР в своем решении по итогам объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, состоявшейся в Ташкенте в январе — феврале 1954 г., рекомендовал Институту этнографии приступить к разработке историко-этнографического атласа Средней Азии. Этот обобщающий труд должен помочь в решении ряда исторических проблем, разработка которых пока еще упирается в недостаточную изученность фактического материала, в частности в области этнической истории и истории культуры народов Средней Азии и Казахстана. Работа по составлению атласа включена в государственный план Института этнографии на 1955—1960 гг. и будет продолжена в следующем пятилетии. Успешное выполнение этого большого и сложного научного мероприятия возможно лишь при условии совместной работы Института этнографии — с одной стороны, с Институтом истории материальной культуры и Институтом языкознания АН СССР, а также с музеями Москвы и Ленинграда, с другой стороны, — с институтами истории, археологии и этнографии Академий наук среднеазиатских республик, местными музеями и другими научными учреждениями Средней Азии. При составлении атласа должен быть учтен, конечно, опыт авторских коллективов Сибирского и Русского атласов.

Источники для историко-этнографического атласа Средней Азии обильны; они накапливались в течение длительного периода тесных связей народов Средней Азии и Казахстана с Россией, сохранились в богатейших собраниях восточных рукописей и приобрели характер массового этнографического материала со второй половины XIX в., после присоеди-

⁵ См. Г. С. Маслова, Опыт составления карт распространения русской народной одежды, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXII, 1955.

нения Средней Азии к России. Однако эти источники далеко не полностью учтены и не систематизированы. При подготовке атласа предстоит, по существу, создать историю этнографического изучения Средней Азии и Казахстана, учесть и изучить музейные коллекции хранилищ Москвы, Ленинграда и среднеазиатских республик. Эта работа уже начата, и можно полагать, что при содействии и участии работников музеев в ближайшие годы будут выявлены и войдут в научный оборот богатейшие коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР, Гос. Музея этнографии народов СССР в Ленинграде, бывшего Музея народов СССР, почти совершенно не известные еще этнографам сокровищницы ташкентских музеев истории и искусствоведения, Самаркандского, Ферганского, Хивинского и других музеев Узбекистана, музеев Таджикистана, Казахстана, Туркмении, Киргизии. Эти коллекции, поступившие в музеи преимущественно в конце XIX — начале XX в. и в годы Советской власти (главным образом в 1920—1930-х гг.), до сих пор мало публиковались и почти не использовались для сравнительного историко-этнографического анализа и научных обобщений. Необходимо взять эти коллекции на учет, выделить хронологические комплексы, провести научное описание, фотографирование и зарисовку части предметов для подготовки материала к составлению типологических таблиц. Наряду с вещевыми коллекциями в музеях следует учесть имеющие научную ценность картины, рисунки фотографии.

По примеру коллектива Русского атласа предстоит изучить и основные архивные источники, отражающие различные стороны народной жизни: хозяйство, материальную культуру, семейный быт, обычаи, верования, народное творчество. В первую очередь следует уделить внимание архивам, дающим массовый и синхронный материал по разным областям Средней Азии, — таким, как архивы Русского географического общества, Переселенческого управления, областные архивы статистических комитетов Туркестанского генерал-губернаторства и другие. Материалы, собираемые по областям и уездам, лягут на карту и создадут необходимую основу для многих тем атласа (например, сельское хозяйство, ремесло, жилище и другие). Не менее важным источником явятся рукописные научные архивы Академий наук среднеазиатских республик, где сосредоточены материалы многих этнографических и фольклорных экспедиций дореволюционного и советского времени. Далее, необходимо будет тщательно собрать весь литературный материал, использовав громадное количество статей периодической печати, «Туркестанский сборник» и опубликованные архивы. В процессе этой работы могут готовиться сборники материалов к этнографическому атласу Средней Азии, дополненные извлечениями из архивов, и тематические библиографические указатели по этнографии народов Средней Азии (например, по жилищу, одежде, прикладному искусству). Наконец, следует по возможности полно собрать картографический материал, отражающий расселение народов и племен Средней Азии. Как известно, карты со сведениями такого рода имелись уже в средние века. Разумеется, необходима будет и научная интерпретация этих карт, в силу тех или иных причин подчас искажавших картину расселения.

По мере подготовки материалов для атласа будут выявляться наиболее существенные пробелы, возникшие из-за неравномерной изученности Средней Азии. В наиболее слабо изученные этнографами районы нужно будет направить этнографические экспедиции и отряды, подобно тому, как это практикует коллектив Русского атласа. Большую подготовительную работу по подбору и систематизации археологического материала для атласа предстоит провести также и археологам. Есть все основания рассчитывать, что планомерная, организованная концентрация накопленного наукой этнографического материала позволит на должной теоретической высоте осуществить работу по составлению Среднеазиатского

историко-этнографического атласа и довести его хронологически в первую очередь до периода кануна Великой Октябрьской социалистической революции. На этой основе в дальнейшем будут строиться разделы, посвященные этнографии советского периода. В настоящее время материала для этих разделов еще недостаточно, хотя он собирается почти всеми этнографическими экспедициями Института этнографии АН СССР и Академий наук республик Средней Азии.

Учитывая опыт построения Сибирского и Русского атласов, особенно задачи и структуры каждого из них, мы должны придти к заключению, что для Среднеазиатского атласа необходимо сочетание обоих этих типов. Действительно, Средняя Азия представляет собой обширную, слагающуюся на протяжении нескольких тысячелетий историко-культурную область, население которой всегда поддерживало между собой оживленные и всесторонние связи. Взаимовлияние и взаимопроникновение этнических и культурных элементов здесь достигало большой силы. Общеизвестно, что этнические связи племен и народов Средней Азии, восходящие еще к эпохе первобытности — неолиту и бронзе, продолжались на протяжении всей их дальнейшей истории. Этот процесс непрерывного и активного этнического взаимодействия особенно ярко вскрыт в результате археологических изысканий, проведенных в годы Советской власти. Они охватили почти всю территорию среднеазиатских республик и дали возможность восстановить характерные особенности этнического облика и культуры племен и народов древности и раннего средневековья. Данные археологии и палеантропологии подтверждаются историко-этнографическими исследованиями (изучение родоплеменного состава, исторических преданий), которые ведутся, в частности, двумя большими археолого-этнографическими экспедициями Академии наук СССР — Хорезмской и Киргизской. Не менее тесными (во всяком случае — более тесными, чем в Сибири, где в силу природных условий существовала большая изолированность отдельных групп) были хозяйственные и культурные связи между народами Средней Азии на протяжении многих веков их совместного развития. Новые археологические и этнографические материалы свидетельствуют, вопреки прежнему взглядам, что эти связи были чрезвычайно сильны не только между населением земледельческих оазисов, но также и между земледельцами и соседними кочевниками-скотоводами степей Приаралья и Прикаспия.

Этническая, хозяйственная, культурная близость населения Средней Азии, бесспорно, должна быть отражена в историко-этнографическом атласе. Первая часть его должна быть построена в плане Сибирского атласа, причем большая археологическая изученность Средней Азии по сравнению с Сибирью дает возможность более углубленно отразить ранние этапы этногенеза и историко-культурную тематику. С другой стороны, поскольку население Средней Азии представляет собой сейчас шесть крупных социалистических наций, а в дореволюционное время на ее территории уже оформились крупные народности, консолидацию которых в буржуазные нации задерживали главным образом условия колониального режима, в Среднеазиатском атласе нельзя ограничиться только общей для всех народов частью, а необходимо разработать и разделы, характеризующие, подобно Русскому атласу, специфические национальные особенности каждого из шести народов. Следовательно, в основу структуры Среднеазиатского атласа надо положить деление его на две части: 1) общая часть — атлас Средней Азии и Казахстана и 2) региональная часть — атласы узбекского народа, киргизского народа и т. д.

Первая часть будет содержать вступительные статьи и основной археологический материал:

а) карты расселения племен и народов с древнейших времен до средневековья, составленные на основе археологических и палеантропо-

логических данных, а для позднейших периодов — на основе исторических и этнографических данных;

б) карты языковых групп;

в) археологические карты, альбомы и типологические таблицы, характеризующие хозяйство, быт и культуру племен и народов древности средневековья;

г) построенные по принципу исторической преемственности с археологическими этнографические карты, альбомы и типологические таблицы посвященные отдельным темам: 1) земледелие; 2) ирригация; 3) животноводство; 4) охота; 5) рыболовство; 6) ремесла и промыслы; 7) поселения; 8) жилища; 9) одежда и украшения; 10) транспортные средства; 11) утварь; 12) пища; 13) семейные обычаи; 14) верования и обряды; 15) прикладное изобразительное искусство; 16) орнамент; 17) музыкальное творчество и др.

Список тем можно расширить, но для начала работы следует, наоборот, ограничить его и избрать те темы, которые нужно разрабатывать первую очередь. На примере Сибирского и Русского атласов можно видеть, что наиболее целесообразно начать с разработки тем, связанных с хозяйством, жилищем, одеждой, а из области духовной культуры наиболее важны и актуальны темы «Верования», «Прикладное изобразительное искусство» и «Орнамент».

Разработка каждой из тем должна составить особый раздел или выпуск, в который войдут: краткий очерк по теме, альбом иллюстраций, типологические таблицы и серия карт. В итоге на карте, охватывающей Среднюю Азию и Казахстан в целом, выявятся, очевидно, как это произошло и в атласе Сибири, элементы культуры, общие для всех народов Средней Азии, территории со специфическими комплексами культуры совпадающие с территориями расселения определенных народов, и территории со сходными, близкими комплексами культуры, но не совпадающие с расселением отдельных народов, т. е. очертания историко-этнографических областей, время сложения которых поможет определить археологический материал; последний, вероятно, ляжет на карты в этих районах также определенными комплексами. Уже заранее можно предугадать, что в число таких областей войдут Хорезмский оазис, Бухара, Ферганская долина и другие. В последней и сейчас некоторые черты культуры узбекского, таджикского, каракалпакского населения имеют между собой больше сходства, чем, например, у узбеков Ферганы и Кашка-Дарьи или Бухары и Хорезма. При разработке этой части атласа надо сомкнуть археологический материал с этнографическим на рубеже позднего средневековья (XVI—XVII вв.), что потребует от археологов большего внимания к раскопкам памятников этой эпохи, пока еще очень мало изученных.

Но и современное состояние источников, в особенности в свете докладов о новейших исследованиях, заслушанных на отчетно-экспедиционной сессии 1955 г.⁶ и на совещании археологов и этнографов Средней Азии позволяет предугадать большой научный интерес работы над целым рядом типологических таблиц и историко-этнографических карт. Так, можно уже класть на карту Средней Азии большой новый материал по родоплеменному составу тюркских народностей Средней Азии. За последние годы этнографами Туркмении, Каракалпакии, Киргизии, Узбекистана проделана очень большая работа по этой теме, весьма важной для изучения этногенеза. Заново в историческом плане изучен родоплеменный состав и многих соседних со Средней Азией тюркских народов (Саяно-Алтайского нагорья, Башкирии), что расширяет возможности научных сопоставлений и исследований. К сожалению, на обширной территории Казахстана эта работа еще до сих пор не осуществлена. Картографирова-

⁶ Отчет о сессии см. ниже, раздел «Хроника».

ние и выявление типологии генеалогических структур должны дать плодотворные результаты и для изучения вопросов истории общественного строя, поскольку характер родоплеменной структуры имеет непосредственную связь с типом аульных кочевых и полукочевых территориальных общин народов Средней Азии в XIX — начале XX в.

Не менее плодотворной может стать уже в ближайшее время разработка для атласа темы «Ирригация». Необходимо положить на карту не только древние и средневековые ирригационные системы, изучавшиеся археологами в Хорезме, Бухарском оазисе, Ферганской долине, Туркмении, но и этнографические материалы по этой теме — распространение в XIX — начале XX в. разных типов орошения (в частности, — лиманного), типов оросительных систем, водоподъемных сооружений, устройств для регулирования водопользования, типов мелкой оросительной сети, планировки полей для полива различных культур и т. д. Сводка и обобщение этих данных, с одной стороны, будут способствовать осмыслению археологического материала и восстановлению истории среднеазиатской ирригации, а с другой стороны, помогут изучению общественного строя народов Средней Азии, выяснению характера земельно-водных, сельских общин.

Большой материал, как этнографический, так и археологический, накоплен уже для темы «Поселения и жилища». Для некоторых областей (Хорезм, Туркмения) есть возможность выявить процесс развития поселений и жилищ с древнейших времен до настоящего времени; здесь изучаются археологами (Хорезмской и Южно-Туркменистанской экспедициями), помимо архитектуры более ранних эпох, и позднесредневековое зодчество, и памятники народной архитектуры XVIII — начала XIX в. В результате новейших этнографических исследований все более определенно выясняются типы кочевого жилища у разных народов Средней Азии и Казахстана, а также типы полукочевого жилища, зачастую сочетающего юрту с домом. Большие перспективы имеет практика совместного изучения истории народного жилища археологами, этнографами и архитекторами; эти совместные работы дадут возможность восстановить историю распространения в Средней Азии определенных строительных материалов, строительных приемов (каркас, пахса, сырцовый кирпич и др.) и приступить к составлению типологических таблиц, характеризующих формы жилища, соответствующие определенным народностям и областным группам. Большое значение имеет начатое в Узбекистане (Бухара) и Таджикистане. (Ленинабад) комплексное историко-этнографическое изучение городов.

Само собой разумеется, что картографирование и типологизация народной одежды даст богатейший материал для изучения этногенеза. Особенно большое значение в этом отношении имеют головные уборы, наиболее устойчиво сохраняющие архаические черты и специфические формы, присущие небольшим локальным и родоплеменным группам. Не меньшую роль сыграет, очевидно, анализ видов ювелирных украшений, которые имеют в Средней Азии богатую историю и в огромном количестве и многообразии накоплены во время археологических раскопок памятников разных эпох. При изучении истории народной одежды в Средней Азии этнографы могут теперь пользоваться новым источником — такими ценными археологическими находками, как многочисленные древние терракоты, крупная скульптура, великолепные настенные росписи с многофигурными цветными композициями (Топрак-кала, Варахша, Пенджикент, Балалык-тепе), представляющими собой подлинные сокровищницы для историка культуры.

Вторая часть атласа будет включать шесть выпусков, посвященных узбекам, таджикам, туркменам, казахам, киргизам, каракалпакам. Построение их должно быть близко Русскому атласу: в них будет включен материал, характеризующий прежде всего национальную специфику культу-

ры и быта народа. Темы альбомов, таблиц и карт — в основном те же, что и в общей части, но разработаны они будут значительно подробнее, с более детальной типологической классификацией и с большим числом таблиц и карт, характеризующих распространенные у данного народа виды хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры. В результате картографирования в этой части выявятся не только комплексы характеризующие национальные черты культуры народа, но и этнографические особенности локальных этнографических групп, сохраняющие свои особенности или еще не вполне консолидировавшихся с окружающим населением (например, кыпчаки, тюрки в Ферганской долине, ягнобцы, локайцы в Таджикистане и другие). Большую роль во второй части атласа будут играть диалектологические и терминологические карты. Исследования авторов региональных разделов атласа будут преследовать две цели: во-первых, осветить процесс этнического развития народностей Средней Азии в период с XV—XVI до XIX — начала XX в. (в условиях узбекских ханств и после включения в состав России), в частности, — выяснить вопрос о степени их национальной консолидации накануне Октябрьской революции, о наличии или отсутствии у них в то время зачатков буржуазных наций; большое внимание должно быть уделено, в связи с этим, развитию города, состоянию ремесла (развитие мануфактуры), торгового обмена, характеру продукции земледелия, скотоводства, ремесла и другим темам, связанным с ростом экономической общности. Во-вторых, уже на следующем этапе работы, проследить процесс развития в послеоктябрьский период народностей Средней Азии в социалистические нации. В республиках, где проводятся экспедиции по методу сплошного обследования (Киргизия, Таджикистан), материал по этнографии советского периода даст возможность уже в скором времени довести региональные разделы атласа до современности.

Работа над обеими частями атласа, как нам кажется, должна быть начата одновременно.

Как видно из сказанного выше, основными хронологическими рамками материала для первой части атласа явятся:

I. Период от древности до позднего средневековья, освещаемый археологическими и отчасти письменными данными; материалы будут привлекаться по мере возможности, в зависимости от состояния их разработки.

II. XVIII — первая половина XIX в. (канун присоединения к России) — период, освещаемый письменными и отчасти этнографическими источниками. Большую роль для этого периода будет играть архивный материал.

III. Вторая половина XIX — начало XX в. — период, освещаемый этнографическим материалом, музейными коллекциями, литературой, архивными данными.

Во второй части атласа первый хронологический период будет отсутствовать, второй и третий периоды разрабатываются детальнее и несколько в другом направлении, а добавляющийся здесь четвертый, Советский период подробно освещается на основании полевых экспедиционных материалов.

При коллективной работе нескольких научных учреждений особенно важное значение имеет унификация сбора, учета и описания материала. Необходимы, в частности, программы сбора материала по темам, стандартные карточки учета музейных коллекций и экспонатов, карточки для выписок из литературы и архивных источников (для чего следует использовать опыт Русского атласа), а также карточки-справки для выписки поездных данных (подготовка к картографированию). Необходимо выработать для сбора материалов по некоторым темам (главным образом по материальной культуре) несколько форм анкет, организовать сеть постоянных корреспондентов, знакомых с этнографией, лучше всего — музейных работников, преподавателей истории, членов местных секций Всесо-

юзного географического об-ва, студентов. Присылаемый ими материал должен быть унифицированным и синхронным.

Необходимо составить и издать основы общесреднеазиатских и республиканских карт в определенном масштабе. На основу общесреднеазиатских карт должны быть нанесены дореволюционные административные границы вплоть до уезда, который, таким образом, явится основной территориальной единицей (микрорайоном) при картографировании. Для республиканских карт наносятся современные границы; территориальная единица учета материала — район, а в некоторых особых случаях — сельсовет или аулсовет. Для исторических (археологических, палеантрологических и других карт) должны быть созданы особые основы с учетом топонимики соответствующего исторического периода.

Одним из наиболее важных и ответственных этапов работы является составление типологических таблиц на основе всего собранного материала. Важно выбрать принцип классификации, отобрать признаки, которые дадут определенный научный результат.

Успех предстоящей большой, многолетней работы по составлению историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, как мы писали выше, может быть обеспечен только при условии постоянного и теснейшего контакта, совместной работы коллективов специалистов по Средней Азии. В связи с этим предстоит осуществить ряд организационных мероприятий, в первую очередь — создать редколлегию атласа, составить и утвердить план работы на ближайшее пятилетие и на специальном организационном совещании распределить работу на этот период между институтами и музеями; добиться включения в планы работ названных выше научных учреждений темы «Историко-этнографический атлас Средней Азии»; осуществить договоренность об участии в работе над атласом музеев Москвы, Ленинграда и среднеазиатских республик; поставить перед Президиумом АН СССР и Президиумами среднеазиатских Академий наук вопрос об ассигновании специальных средств на работу по атласу (для организации экспедиций и научных командировок, оплаты художников, фотографов и т. д.), а также о выделении дополнительных штатных единиц для приглашения нужных работников.